

Navarro, F., Lillis, T., Donahue, T., Curry, M. J., Ávila Reyes, N., Gustafsson, M., Zavala, V., Lauría, D., Lukin, A., McKinney, C., Feng, H., & Motta-Roth, D. (2022). Rethinking English as a lingua franca in scientific-academic contexts. A position statement. *Journal of English for Research Publication Purposes*, 3(1), 143-153. <https://benjamins.com/catalog/jerpp.21012.nav>

(pre proofs translation)

**Пересмотр статуса английского языка в качестве «лингва франка» в
научной коммуникации:**

Заявление с изложением позиции

Federico Navarro (Universidad de O'Higgins)

Theresa Lillis (Open University)

Tiane Donahue (Dartmouth College)

Mary Jane Curry (University of Rochester)

Natalia Ávila Reyes (Pontificia Universidad Católica de Chile)

Magnus Gustafsson (Chalmers University)

Virginia Zavala (Pontificia Universidad Católica de Perú)

Daniela Lauría (CONICET)

Annabelle Lukin (Macquarie University)

Carolyn McKinney (University of Cape Town)

Haiying Feng (University of International Business and Economics)

Désirée Motta-Roth (Universidade Federal de Santa Maria)

Аннотация

Наша задача - проблематизировать существующие положения, связанные с использованием английского языка в качестве «лингва франка» в науки, изучить последствия этих взглядов на траектории производства и публикации научного знания, и легитимировать использование различных языков в международном обмене знаниями.

Мы выдвигаем десять принципов: Использование английского языка как «лингва франка» науки не всегда способствует включению людей в коммуникацию; язык назначенный научным «лингва франка» может стать языком гегемонии; политика присвоения статуса «лингва франка» английскому языку может негативно повлиять на востребованность перевода текстов и привести к исключению людей из коммуникации; политика присвоения статуса «лингва франка» английскому языку как современному языку науки может создать ложное восприятие того, что знанием считается только

знание созданное на английском языке; присвоение статуса «лингва франка» английскому языку символизирует неравенство в распространении и публикации научного знания; языки/ языковые варианты являются важными ресурсами в производстве знания; выбор языка научной публикации или доклада – это социолингвистическое право человека; выбор языка публикации или доклада – это политический акт; организаторы конференций должны иметь право выбирать язык(и) на свое усмотрение; организаторы конференций и ученые должны придумывать и способы и внимательно относиться к вовлечению в коммуникацию максимально разнообразной аудитории.

Ключевые слова: английский язык для академических целей; научные конференции; производство знания в мире; социолингвистические права; языковая система/политик; деколониальность

В июле 2019 года, на международной конференции по лингвистике, прозвучали два пленарных доклада на испанском языке, языке на котором говорят в этой стране, и без синхронного перевода на другие языки. Эта ситуация спровоцировала общественную дискуссию о том, насколько применение других языков, а не английского языка, для пленарных выступлений, препятствует и исключает людей из коммуникации. Кого-то удивит то, что под сомнение попала легитимность использования других языков, а не английского для коммуникации, и, на наш взгляд, широко известные положения в основе этой дискуссии должны быть пересмотрены.

Ключевая предпосылка связана с тем, что английский язык — это язык «лингва франка» и его использование способствует объединению людей и «эффективной» коммуникации, в то время как использование различных языков исключает из коммуникации большое количество людей. Это предположение, в основе которого лежит идеология, постепенно стало привычным и понятным, но идеологические последствия для социальных практик в академической среде не исчезли. Например, оно используется для подкрепления аргумента в пользу того, что английский язык должен иметь институциональный статус языка международных конференций.

Эта предположение проблематично по многим причинам:

а) оно игнорирует тот факт, что большинство ученых в мире ежедневно используют разные языки и осуществляют транслингвальные практики в работе над исследованиями: они привыкли применять разные языки в производстве знания,

б) оно не учитывает политику языка и производства знания, и в частности тот факт, что существует привилегированный статус английского языка в системах оценки производства научного знания. Этот статус порождает проблемы поддержания производства в разных системах знания и создания справедливого обмена знаниями на разных языках,

с) оно не учитывает ключевые опасения, высказанные относительно того, куда направляется знание при обмене и важность лингвистического/семиотического разнообразия в создании более справедливого обмена знаниями между, например, глобальным севером и югом, центром (ами) и периферией (ями), западом и востоком.

Мы, группа ученых работающих в различных регионах и преданных продвижению и распространению знания, и созданию условий для участия в производстве знания на разных языках, в разных традициях, и различных направлениях, верим, что язык научного обмена — это не просто вопрос умений коммуникации и технологических решений. Это, также и прежде всего, — вопрос равенства в создании динамики и возможностей производства знания. Языки, которые были выбраны и закреплены как языки научного общения имеют непосредственное влияние на индивидуальные и коллективные истории и траектории производства знания и его распространение. Эти языки являются центральными для языковой и социальной идентичности, политики, и прав человека.

Таким образом, в этом документе мы обозначили десять принципов для стимулирования дискуссии о том, как и зачем мы, научные сообщества в различных областях знаний и регионах, должны использовать разные языки и языковые варианты для создания транснациональной научной коммуникации. Эти принципы работают только в совокупности, и отражают разные аспекты, детали, и способы решения по проблеме «лингва франка».

1) Применение английского в качестве языка науки «лингва франка» не всегда способствует вовлечению в коммуникацию. Применение самого словосочетания «лингва франка» для обозначения английского языка проблематично и во многом искажает суть понятия «универсальный» язык науки (например, состоящий из многих, а не одного, языков). Словосочетание также создает впечатление что английский язык — это язык общий для всех: он простой и легкодоступный для всех людей. Однако, это не так. Многие ученые не используют английский (частично или как основной язык) для своей научной работы и поэтому при написании текста и подготовки выступления на английском им приходится тратить дополнительное время и усилия, и часто финансовые

ресурсы. Важно отметить, что уровень владения академическим языком и их уверенность в своих силах очень сильно отличается среди исследователей. Если некоторые ученые эффективно используют английский как дополнительный язык, то этот факт совершенно не означает, что все ученые данного сообщества могут сделать тоже самое. Несомненно, желание иметь язык «лингва франка» для научной коммуникации привлекательно своей аполитичностью, однако, применение и (а в дальнейшем и принуждение использования) английского языка в качестве единственно возможного «лингва франка» лишает другие языки, культуры, и системы производства знания равных шансов на участие в научном обмене знаниями в мире. Ошибочно полагать, что обязательное использование английского языка в качестве «лингва франка» автоматически создает возможности свободной коммуникации и является общепринятым языком коммуникации. Более того, монолитное понятие «лингва франка» — миф, так как любой язык не является универсальным, но включает в себя широкий спектр региональных, социальных, дисциплинарных вариантов среди носителей языка, которые пользуются разнообразными языковыми инструментами для общения, и которые погружены в знакомые им практики научной коммуникации.

2) Язык, который позиционируется как «лингва франка» может стать языком доминирования в коммуникации. Любой язык имеющий статус «лингва франка» в определенный геоисторический момент становится также языком доминирования, эксплуатации, и колонизации знания. Наличие общего языка создает не только возможности транснациональной коммуникации научного знания, но и потенциальную основу для существовавших/существующих отношений власти между социальными группами, культурами, благосостоянием. Этот лингвистический империализм воспроизводит неравенство распределения власти, символических и материальных ресурсов, и иллюстрирует почему использование другого языка или «языка меньшинства» является способом противостояния политической гегемонии и активного сопротивления империализму. Колонизация и доминирование также воспроизводятся на «периферии»: например, английский язык может восприниматься испаноговорящим человеком как языковой империализм, а испанский язык аналогично может восприниматься жителем Испании доминирующим языком, где существуют и другие языки (включая языки Латинской Америки).

3) Политика поддержки английского в качестве «лингва франка» может негативно влиять на появление переводных текстов и препятствовать вовлечению в научную коммуникацию. Если представить, что каждый исследователь владеет английским, то исчезнет интерес предлагать интерпретации на разных языках, осуществлять перевод

работ на другие языки, или изучать иностранные языки, если уже владеешь английским. Кроме того, мы теряем ценную возможность понять разные картины мира и эпистемологии, которые существуют в различных языках. Поэтому, наделение английского языка статусом «лингва франка» может стимулировать производство знания в определенных регионах, но негативно влиять на производство знания в других регионах: таким образом исчезает взаимный обмен знаниями. Для активного использования других языков кроме английского в научной коммуникации нам необходимо признать существующие ограничения. Например, исследователи, которые уже инвестировали время и усилия в изучение английского, могут не иметь стимула выбрать другие языки для своих публикации и научных выступлений; редакторы журналов и организаторы конференций могут опасаться потери аудитории; локальная система производства знания потребует активного развития (например, малое количество национальных журналов). Несмотря на это, мы верим, что подобные ограничения можно преодолеть посредством понимания скрытой идеологии и использования материальные ресурсы (например, технологий машинного перевода).

4) Меры, направленные на позиционирование английского в качестве «лингва франка» науки могут подавать сигнал о том, что знание производится только на английском языке и только оно считается знанием. Редакционные коллегии, язык публикации в престижных журналах, язык и национальность большинства самых престижных пленарных докладов и редакторов международных изданий часто приравнивают знание, произведенное на английском языке к глобальному знанию. Эта научная монополия часто не признает существование других интеллектуальных традиций, существующих в других языках, регионах вне англоговорящего центра. Признание — это не только вопрос включенности в коммуникацию или поддержка: производство знания в регионах и на языках, кроме английского языка, успешно развивается, но необходима интеграция с монолингвальным контекстом англоговорящего мира. Если исследователь, работающий на малораспространенном языке, решает не обращаться к научным работам, изданным на английском языке, его/ее скорее всего подвергнут критике, не примут текст на рассмотрение и не опубликуют: во многих дисциплинах, если ты не опираешься на традиции англоговорящего центра, ты игнорируешь так называемую «фундаментальную» науку.

5) Признание английского в качестве научного «лингва франка» — это признание неравенства в распределении производства и распространения знания в мире. Существующая дискуссия вокруг понятия «лингва франка» не охватывает проблему неравных возможностей участия в транснациональном обмене знаниями.

Исследователь, работающий в постиндустриальной англоговорящей стране, может заниматься исследованиями по любой теме, общей или частной, теоретической или прикладной, в конкретном регионе или кросс регионально, и его/ее работа вызовет больший академический интерес чем работа ученого, работающего из «периферии». Знание, произведенное в постиндустриальных англоговорящих странах имеет силу признать — или нет — транснациональные научные темы/интересы исследователей и легитимировать знание и «факты» полученные за их пределами. Если исследователь работает на периферии, пишет на национальном языке, не опирается на англоязычную литературу, но пытается встроиться/получить признание за вклад в транснациональную коммуникацию: часто это будет лишь признание работы как образца-носителя своей культуры. Подобная колонизация интеллектуального труда не является исключительно односторонней в отношении центр-периферия. Часто она поддерживается внутри самой периферии и происходит из периферии. Колонизация знания – это не только вопрос символической власти и признания, но также глобально неравных социально-экономических условий и структурного распределения в производстве знания и включенности в коммуникацию. Мы должны всегда обдумывать свои действия и проверять: воспроизводим ли мы колонизацию знания или противостоям ей.

б) Языки/языковые варианты функционируют как важные ресурсы в создании знания. Язык — это не простой и понятный инструмент коммуникации. Любой язык является доступным ресурсом в конкретном контексте коммуникации, хранит историю языка и порождения смыслов, индексирует понятия и интеллектуальные традиции: все это сложно перевести на/с язык «лингва франка». Для отдельного человека свободный выбор языка дает возможности креативности, концептуализации и точности в передаче смысла. Напротив, применение английского в качестве «лингва франка» может ограничивать передачу смысла и требовать использования существующего доминирующего дискурса, синтаксиса, и лексикона, которые эксплицитно укоренены в доминирующую культуру, традиции, и эпистемологию. Мы – ученые и должны поддерживать разнообразные интеллектуальные ресурсы для производства знания, а не ограничивать их: решать проблемы, учитывать локальные потребности и возможности, и развивать теорию.

7) Выбор языка научной публикации или научного выступления — это социолингвистическое право человека. Каждый исследователь должен иметь право выражать и обмениваться идеями на выбранном им языке, в жанре пленарного доклада или другом академическом жанре. Аудитория может быть не знакома с конкретным языком или его вариантом, но это не должно мешать использованию этого языка или свидетельствовать о том, что он создает проблемы коммуникации. Однако, языковая

политика и политика производства знания, а также институциональная, исторически привилегированная позиция английского языка в системах оценки производства знания привели к тому, что сохранение своего права на использование выбранного языка в научной коммуникации ставится под вопрос. Это право еще более ограничено в отношении научных публикаций: наиболее влиятельные международные индексируемые журналы публикуют работы исключительно на английском языке и многие исследователи, которые используют другие языки не имеют шансов опубликовать работу. Это проблематично прежде всего для ученых, работающих в развивающихся странах, где системы оценки результатов научной работы требуют наличия публикаций в престижных журналах при оценке научной работы сотрудника, принятии решений о трудоустройстве и продвижении по карьере, для получения аккредитации научного института. Для решения этой проблемы, ключевым является создание многоязычных журналов и публикация статей на оригинальном языке, английском и сопутствующим переводом на другие языки: подобная практика существует в некоммерческих журналах и на «периферии»; а также включение новых мало представленных тем, регионов, различных способов создания письменного текста.

8) *Выбор языка публикации или научного доклада является политическим актом.* Язык, на котором ученый выступает, публикует работу, или общается связан не только с беглостью речи человека, но с его/ее политической точкой зрения и идентичностью. Это может происходить эксплицитно или имплицитно, намеренно или нет. Выступление на языке своего сообщества, языке детства, страны, региона, несмотря на то, что этот язык мало употребляется в научной среде, легитимирует научную работу на этом языке и помогает сохранить традицию порождения знания. Выбор иного чем английский языка для выступления или публикации является эффективным способом бороться с гегемонией английского языка, который задает нормы и конвенции. Подобный выбор языка помогает изменить текущую ситуацию гегемонии: это происходит чаще в последние годы, однако неравный доступ к символическим и материальным ресурсам ограничивает попытки выбора.

9) *Организаторы конференций должны иметь право продвигать языки на свое усмотрение.* Оргкомитеты должны продвигать те языки, которые отражают политическую позицию в своем контексте. Пленарный доклад на национальном или на языке меньшинства может кого-то исключить и одновременно кого-то включить в коммуникацию. Важно, что событие само по себе может стать стимулом к пониманию того, что научная коммуникация и исследования на этом языке необходимы: они позволяют членам научного сообщества изучать различные языки, эпистемологии,

историю и культуру. Мы должны прикладывать больше усилий и учиться понимать информацию на новых для нас языках. Перевод – это способ выразить поддержку конкретным языкам, например локальному языку жестов, местному языку, вместо использования английского «лингва франка». Ученый может изучить какие языки являются рабочими и продвигаются перед тем как выбрать ту или иную научную конференцию.

10) Организаторы конференций и ученые должны быть креативны, внимательны чтобы разнообразить аудиторию насколько это возможно. Несмотря на языковые сложности при организации научных конференций, организаторы и ученые должны задействовать многочисленные формальные и неформальные практики перевода чтобы позволить разнообразной аудитории принять участие в научном обмене. Успешные стратегии используемые на конференциях включают в себя: использование текстовых слайдов на одном языке и параллельную устную презентацию на другом языке, свободное переключение с одного языка на другой, опору на транслигвальность во время презентаций, синхронный перевод на дополнительные региональные языки, а в англоговорящих странах – на другие иностранные языки; перевод раздаточного материала, использование субтитров в режиме реального времени или сурдоперевода. Существуют технические и креативные способы увеличить вовлеченность аудитории, без выхода за рамки бюджета, когда ученый выбирает для выступления местный или малораспространенный язык.

Обозначенные выше принципы возможно не новы, но они дают основу для дальнейшего обсуждения проведения научных конференций и создания научных журналов. Мы считаем, что важно публично и открыто обсуждать эти проблемы и приглашаем к обсуждению, уточнению, пересмотру этих принципов, с учетом точек зрения, сформированных в других, отличных от наших собственных, регионах, традициях, и языках.

Переводы этого заявления с изложением позиции на несколько языков доступны по адресу <https://www.escriturayaprendizaje.cl/elf>

Ссылки на источники

Приведенный ниже список предназначен для обозначения работ, которые мы считаем подтверждающими вышеизложенные принципы.

Asociación de Lingüística y Filología de América Latina. (2017). Por una ciencia y educación superior pública, gratuita, crítica, humanista e intercultural, basada en modelos

plurilingües de investigación y docencia. Position statement of the Asociación de Lingüística y Filología de América Latina.

<http://www.mundoalfal.org/sites/default/files/proyectos/ConvP8.pdf>

- Arnoux, E. (2016). Minorización lingüística y diversidad: en torno al español y al portugués como lenguas científicas. In M. V. Carvalho Garcia, G. Ribeiro Pereira, F. Berto, & S. Schernikau Soares Akasha (Eds.), *Anais do Seminário Ibero-americano de Diversidade Linguística* (pp. 290-306). Iphan.
- Bernárdez, E. (2008). *El lenguaje como cultura*. Alianza.
- Blommaert, J. (1999). The debate is open. In J. Blommaert (Ed.), *Language ideological debates* (pp. 1-38). De Gruyter Mouton.
- Blommaert, J. (2010) *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge University Press.
- Blommaert, J., & Backus, A. (2011). Repertoires revisited: 'Knowing language' in superdiversity. *Working Papers in Urban Language and Literacies*, 67, 1-26.
- Canagarajah, A. S. (2002). *A geopolitics of academic writing*. University of Pittsburgh Press.
- Castro-Gómez, S. (2007). Decolonizar la universidad. La hybris del punto cero y el diálogo de saberes. In S. Castro-Gómez & R. Grosfoguel (Eds.), *El giro decolonial. Reflexiones para una diversidad epistémica más allá del capitalismo global* (pp. 79-91). Siglo del Hombre Editores.
- Curry, M. J., & Lillis, T. (2018). Problematizing English as the privileged language of global academic publishing: Policies, perspectives and pedagogies. In M. J. Curry & T. Lillis (Eds.), *Global academic publishing. Policies, perspectives and pedagogies* (pp. 1-20). Multilingual Matters.
- del Valle, J. (2021). On the future of IJSL: Trans-collaboration and how to overcome the structural constraints on knowledge production, distribution and dissemination. *International Journal of the Sociology of Language*, 2021(267-268), 85-89.
<https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-0075>
- Demeter, M. (2020). *Academic knowledge production and the global south. Questioning inequality and under-representation*. Palgrave Macmillan.
- Donahue, C. (2009). "Internationalization" and composition studies: Reorienting the discourse. *College Composition and Communication*, 61(2), 212-243.
- Duchêne, A. (2020). Multilingualism: An insufficient answer to sociolinguistic inequalities. *International Journal of the Sociology of Language*, 263, 91-97.
<https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2087>
- Duchêne, A., Ellece, S. E., Tupas, R., Sabaté-Dalmau, M., Unamuno, V., & Urla, J. (2021). Welcome on board! Prefiguring knowledge production in the sociology of language. *International Journal of the Sociology of Language*, 2021(267-268), 3-8.
<https://doi.org/10.1515/ijsl-2021-2121>

- Eagleton, T. (1991). *Ideology: An introduction*. Verso.
- Gal, S., & Irvine, J. T. (1995). The boundaries of languages and disciplines: How ideologies construct difference. *Social Research*, 62(4), 967-1001.
- Halliday, M. A. K. (2003). Written language, standard language, global language. *World Englishes*, 22(4), 405-418. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.2003.00309.x>
- Horner, B. (2017). Written academic English as a lingua franca. In J. Jenkins, W. Baker, & M. Dewey (Eds.), *The Routledge handbook of English as a lingua franca* (pp. 413-426). Routledge.
- Horner, B., NeCamp, S., & Donahue, C. (2011). Toward a multilingual composition scholarship: From English only to a translingual norm. *College Composition and Communication*, 63(2), 269-300.
- Kramsch, C., Lévy, D., & Zarate, G. (Eds.). (2008). *Précis du plurilinguisme et du pluriculturalisme*. Editions des Archives Contemporaines.
- Lillis, T. (2012). Economies of signs in writing for academic publication: The case of English medium “national” journals. *Journal of Advanced Composition*, 32(3-4), 695-722.
- Lillis, T., & Curry, M. J. (2010). *Academic writing in a global context. The politics and practices of publishing in English*. Routledge.
- Lillis, T., Hewings, A., Vladimirou, D., & Curry, M. J. (2010). The geolinguistics of English as an academic lingua franca: Citation practices across English-medium national and English-medium international journals. *International Journal of Applied Linguistics*, 20(1), 111-135. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2009.00233.x>
- Maldonado-Torres, N. (2007). On the coloniality of being: Contributions to the development of a concept. *Cultural Studies*, 21(2-3), 240-270. <https://doi.org/10.1080/09502380601162548>
- May, S. (2014). Contesting public monolingualism and diglossia: Rethinking political theory and language policy for a multilingual world. *Language Policy*, 13(4), 371-393. <https://doi.org/10.1007/s10993-014-9327-x>
- Mignolo, W. (2010). Epistemic disobedience, independent thought and decolonial freedom. *Theory, Culture & Society*, 26(7-8), 159-181. <https://doi.org/10.1177/0263276409349275>
- Mignolo, W. (2015). Yes, we can. In H. Dabashi (Ed.), *Can non-Europeans think?* (pp. 10-38). Zed Books.
- Morales-Gálvez, S., & Cetrà, D. (2021). Regulating language: Territoriality and personality in plurinational Spain. *Ethnicities*. <https://doi.org/10.1177/14687968211050180>
- Muchiri, M. N., Mulamba, N. G., Myers, G., & Ndoloi, D. B. (1995). Importing composition: Teaching and researching academic writing beyond North America. *College Composition and Communication*, 46(2), 175-198.

- Navarro, F. (in press). The unequal distribution of research roles in transnational composition: Towards illegitimate peripheral participation. In C. Donahue & B. Horner (Eds.), *Teaching and studying transnational composition*. Modern Language Association.
- Pennycook, A., & Makoni, S. (2020). *Innovations and challenges in applied linguistics from the global south*. Routledge.
- Phillipson, R. (1992). *Linguistic imperialism*. Oxford University Press.
- Rigg, J. (2007). *An everyday geography of the global south*. Routledge.
- Rojo, L. M. (2021). Hegemonies and inequalities in academia. *International Journal of the Sociology of Language*, 2021(267-268), 169-192. <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-0077>
- Santos, B. d. S. (2018). *The end of the cognitive empire. The coming of age of epistemologies of the south*. Duke University Press.
- Segato, R. (2012). Brechas descoloniales para una universidad nuestroamericana. *Revista Casa de las Américas*, 266, 43-60.
- Sello, K. J. (2019). Multilinguisme et injustice sociale linguistique au Botswana. *Multilinguales*, 11. <https://doi.org/10.4000/multilinguales.4012>
- Woolard, K. A. (1998). Language ideology as a field of inquiry. In B. B. Schieffelin, K. A. Woolard, & P. V. Kroskrity (Eds.), *Language ideologies: Practice and theory* (pp. 3-50). Oxford University Press.
- Zavala, V. (2019). Justicia sociolingüística para los tiempos de hoy. *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura*, 24(2), 343-359. <https://doi.org/10.17533/udea.ikala.v24n02a09>

Перевод текста на русский язык выполнила Смирнова Наталья Викторовна.